

Силина говорила по-китайски сносно, но всё же с заметным акцентом, что делало её речь холодной и отстранённой. Казалось, она вовсе не пыталась успокоить свою плачущую дочь.

— Расскажи маме, что случилось, — произнесла она, прижимаясь к плечу Янь Чжи, словно у неё не было костей.

Её поведение на глазах у бабушки Янь сразу же вызвало недовольство пожилой женщины.

Бабушка Янь прочистила горло, нахмурившись и посмотрев на сына.

Янь Чжи тоже чувствовал себя неловко, не решаясь взглянуть на Силину, и незаметно отодвинулся в сторону.

Однако Силина, словно клейкая лента, снова прилипла к нему. Янь Чжи не мог отодвинуться дальше, и ему пришлось сидеть, напряжённо выпрямившись.

Хотя в его объятиях была мягкая и тёплая женщина, он чувствовал себя так, будто к нему прижалось какое-то чудовище.

Слово «мама» в её речи обожгло Янь Юхэн, и она, сжавшись, подняла голову из объятий бабушки.

Она робко посмотрела на Силину и спросила:

— Мама?

...

Когда Янь Юхэн вернулась в семью Янь, ей было всего три года. Прошло уже больше двух лет.

Для ребёнка нормально не помнить многого, тем более что с тех пор, как её отправили в семью Янь, Силина ни разу не появилась, даже не позвонила.

Для пятилетней Янь Юхэн было совершенно естественно забыть такую безответственную мать.

— Ты моя мама? — спросила Янь Юхэн, широко раскрыв глаза и смотря на Силину с чистотой и красотой.

— Моя мама такая красивая! — добавила она, вырываясь из объятий бабушки и делая пару шагов в сторону Силины.

Бабушка Янь хотела было удержать внучку, но, увидев её нетерпение, отпустила.

Силина смотрела на дочь с нежностью, как настоящая любящая мать.

Однако эта нежность длилась недолго. Когда Янь Юхэн, заливаясь слезами, бросилась в объятия матери, на лице Силины едва сдерживалось раздражение.

— Мама! Мама! Ахэн так по тебе скучала! — рыдала Янь Юхэн, прижимаясь к Силине.

Голос девочки дрожал, и её плач был настолько трогательным, что сердце разрывалось.

Янь Чжи, сидя рядом, увидев, как дочь горько плачет, тоже был тронут. Ведь это были кровные узы, и разлучать мать и дочь действительно было жестоко.

Он был настолько поглощён плачем дочери, что не заметил, как Силина, с тех пор как Янь Юхэн бросилась к ней, оставалась напряжённой.

Бабушка Янь же видела всё ясно. Силина, столкнувшись с дочерью, которую не видела долгое время и которая плакала так горько, не проявила ни капли сочувствия.

Если бы она просто сдерживала эмоции из-за манер, то хотя бы глаза должны были что-то выражать.

Но нет, бабушка Янь видела, что мать Ахэн всё время оставалась холодной, без тени нежности или любви.

Хотя Янь Юхэн, уткнувшись лицом, не видела этого, она знала, что выражение лица её матери сейчас, вероятно, было крайне неприятным.

Силина ненавидела, когда дети плачут, и презирала их слёзы и сопли. Именно поэтому до трёх лет Янь Юхэн, хотя и жила с матерью, воспитывалась няней.

Янь Юхэн отлично это понимала. Такая женщина, как Силина, если бы могла, даже не родила бы её.

Она никого не любила, только себя!

В прошлой жизни Янь Юхэн могла быть рабыней Силины именно из-за страха перед матерью и рабской покорности, которые та воспитала в ней с детства. Эти чувства, как прилипчивые паразиты, заставляли Янь Юхэн бояться и снова и снова подчиняться матери.

Силина не только определяла жизнь Янь Юхэн, но и, видя, как та погружается в грязь, просто стояла на берегу и молча наблюдала.

Она была настолько эгоистична, что боялась испачкаться.

Дочь? Просто игрушка, которую родила для забавы, особенно если у этой дочери такой хороший отец.

Янь Юхэн, прожившая две жизни, понимала это лучше всех. Силина хотела забрать её только потому, что семья Янь не могла с ней расстаться. Таким образом, Силина могла продолжать получать выгоду от семьи Янь через дочь.

Как только Янь Юхэн потеряет свою ценность, Силина первой её бросит.

Именно это Янь Юхэн ненавидела больше всего. Если бы она не бродила по миру несколько дней после смерти, она бы никогда не подумала, что её мать даже не появится, чтобы забрать тело дочери!

Вся эта ненависть превратилась в сопли и слёзы, которые она вытерла о грудь своей «любящей» матери.

Платье Силины было из тонкого шёлка, и вскоре место, где лежала Янь Юхэн, стало мокрым. Влажное и тёплое ощущение проникло через ткань на белую кожу Силины, и, когда Янь Юхэн подняла голову, между ними протянулась тонкая блестящая нить.

Силина даже не могла сидеть спокойно, пытаясь отодвинуться, но Янь Юхэн, как и она сама ранее, не отпускала.

Янь Юхэн поплакала немного, как будто устала, сняла обувь и, встав на диван, начала карабкаться на Силину. Её маленькие босые ножки топтались по яркому и красивому платью Силины, и Янь Юхэн, словно теряя равновесие, качалась, мяля ткань под ногами в комок.

Она не верила, что Силина сможет это вытерпеть.

И действительно, Силина, которая всё это время сидела напряжённо, наконец не выдержала. Как только Янь Юхэн забралась на колени матери, та резко оттолкнула её, и девочка упала на пол.

К счастью, на полу лежал толстый мягкий ковёр, и Янь Юхэн не ушиблась, но даже так поступок Силины заставил всех присутствующих побледнеть.

Никто не ожидал, что Силина сделает такое, и все на мгновение замерли.

Когда Янь Юхэн упала на пол, её громкий плач вернул всех к реальности.

— Силина! Ты так обращаешься с Ахэн?! — Бабушка Янь первой вскочила, едва сдерживаясь, чтобы не ударить женщину по лицу!

Она присела, подняла рыдающую Янь Юхэн с пола и, полная гнева, крикнула сыну:

— Ты посмотри на эту женщину! Она так поступает с собственной дочерью, разве можно ей доверять?

Янь Юхэн, оказавшись в объятиях бабушки, рыдала навзрыд.

Янь Чжии, получив выговор от матери, чувствовал себя униженным. Он хотел подойти и проверить, как дочь.

Но Янь Юхэн отвернула голову, уткнувшись в бабушку, и избежала прикосновений отца. Она, словно в ужасе, закричала:

— Вы все меня бросили! Ва-а-а!

Её плач был настолько горьким, что казалось, она обвиняет всех в своих слезах.

Янь Чжии, видя, как дочь плачет, почувствовал, как сердце сжимается от боли. Янь Юхэн всегда была для него драгоценной, и они были очень близки.

Сегодня же она даже не позволила ему обнять её, и, когда он приближался, начинала громко плакать.

Такое холодное отношение было даже хуже, чем в первый месяц её пребывания в большом дворе, и это заставило Янь Чжии затаить в душе злость.

Однако он не знал, на кого её выплеснуть — с одной стороны дочь и мать, с другой...

Бабушка Янь не дала ему времени на размышления, не заботясь о том, как это повлияет на Силину и Янь Чжии, взяла Янь Юхэн и направилась в комнату.

Перед уходом она бросила:

— Если человек так холоден к собственной дочери, чего ты можешь ожидать от неё?

Эти слова бабушки Янь, не называя имён, были адресованы совершенно ясно.

Янь Юхэн подумала: «Действительно, старый конь борозды не испортит».

После этого инцидента Янь Чжии действительно протрезвел.

Он не был человеком, который легко поддавался женским чарам, но остаться равнодушным к такой женщине, как Силина, было невозможно.

Однако теперь его разум, затуманенный Силиной, наконец прояснился. Янь Чжии с неприятным выражением лица сказал Силине, которая всё ещё сидела на диване:

— Обсудим это позже.

Он бросил эту фразу холодно, но Силина, словно получив удар, резко встала.

— Чжии! Ты же обещал мне!

Её лицо исказилось от гнева, и даже когда она оттолкнула дочь, на её лице не было такого выражения. Янь Чжии почувствовал, как сердце сжимается ещё сильнее.

Чем больше она так себя вела, тем меньше он мог доверять ей дочь.

Силина быстро осознала, что переборщила с эмоциями, и, быстро сгладив недовольство на лице, подошла к Янь Чжии, взяла его за руку и мягко сказала:

— Чжии, не сердись. Ахэн ведь тоже моя дочь, как я могу её не любить?

<http://bllate.org/book/16703/1534290>